

ЧУДЕСНЕЙШИЙ ПЕРИОД В МОЕЙ ЖИЗНИ

Был прекрасный солнечный октябрьский полдень в 1985 году, когда я сошел с поезда «Полонез» на Белорусском вокзале в Москве. Это был мой первый визит в Советский Союз и его столицу. Не мог даже предположить тогда, что этот прекрасный город на ближайшие четыре года станет вторым моим домом, а академик Алексей Иванович Пискунов наилучшим научным консультантом в моей жизни.

Как и с какой целью я приехал в Москву?

После защиты кандидатской диссертации в 1977 году в Варшавском университете (в Польше это называется докторат) я продолжал работать в Высшей Педагогической Школе в Ольштыне, выполняя различные функции уже как дипломированный педагог. В частности, организовал обучение учителей и педагогов для дошкольных образовательных заведений и начальных классов, выполнял также различные общественные поручения. Был весьма увлечён своей работой по профессии и даже никогда не задумывался над тем, чтобы заняться дальнейшей научной работой, в частности докторской диссертацией.

В то время в Москве под руководством Алексея Ивановича Пискунова работал над кандидатской диссертацией мой искренний друг Генрик Цирут. Именно он в разговоре с научным руководителем как-то спросил обо мне, не смог ли бы он уделить время для консультации и разговора на предмет продолжения моих научных исследований. Потом мы вместе с Генриком приехали в Москву. Несколько раньше я сдал в своём вузе экзамен по русскому языку и вполне сносно мог уже общаться на нём. Так я готовился к встрече с моим будущим научным руководителем-консультантом. Готовился очень старательно и долго, конечно, не только в смысле усовершенствования владения языком, но и в профессиональном смысле. Я, разумеется, не мог предвидеть, какие именно вопросы возникнут у него, но на всякий случай подготовил и взял с собой (положил на колени) шпаргалку, на которой синтезировал свои основные научные интересы и достижения.

После первого разговора с профессором, который длился больше часа, а позже и после других нескольких встреч с ним во время моего двухнедельного пребывания в Москве Алексей Иванович согласился быть моим

научным консультантом, но при условии, что я останусь на время выполнения работы в Москве. Я понял, что это фактически отказ, ультиматум, но, как говорят, благородная цель оправдывает средства, и чтобы её добиться, необходимо пойти на некоторые жертвы в личной, семейной жизни. Поговорили с женой, обсудили все «за» и «против». Моя умная жена Кася, конечно, согласилась на время моего отсутствия воспитывать самостоятельно наших двух сыновей-подростков, которым тогда исполнилось по 16 и 13 лет.

В следующий раз я приехал в Москву уже в декабре 1985 года. Русским разговорным языком владел уже неплохо, мог спокойно вести разговоры на любые житейские темы, но чтобы написать докторскую диссертацию, нужны были знания специальной научной терминологии в педагогической сфере, поэтому я серьёзно засел за учебники по педагогике. Это была нелегкая, мозольная, но полезная и интересная работа на несколько первых месяцев моего пребывания в Москве. Мой специальный словарный запас постоянно обогащался, и я уже мог приступать к более серьёзной работе. Но сначала необходимо было сформулировать и уточнить тему моего будущего исследования. После раздумий профессор решил, что лучше всего мне заняться тем, что мне уже знакомо, что было связано с предыдущей моей педагогической деятельностью. Раньше я закончил педагогический лицей, потом педагогический факультет университета в Лодзи (Польша), несколько лет был координатором системы повышения квалификации учителей, которые закончили педагогические вузы в предыдущие годы, в моем родном городе Ольштын. Итак, мы остановились на теме моих будущих научных исследований, связанной с подготовкой учителей начальных классов в Польше на фоне других европейских стран. Исследование было ориентировано на исторический аспект становления начального образования в Польше.

Каким именно запомнился мне мой научный патрон, академик Алексей Пискунов? В то время ему было около шестидесяти лет, он был мужчиной среднего роста, плотного телосложения. На весьма выдающейся своими формами и весьма умной его голове волос не было слишком много. Носил он очень сильные очки, двигался всегда степенно, не спеша, но походка была решительная и твердая. Его решительность просматривалась на каждом шагу, в каждом его движении. Обычно он не размышлял слишком

долго над тем или иным вопросом, всегда складывалось впечатление, что каждый вопрос он взвешивал раньше. Готовился старательно он и к нашим беседам, всегда имел своё мнение, очень взвешенное и аргументированное. Он был человеком конкретным, пунктуальным и деловым, и эти черты он ценил также в других людях. К нему домой на Ленинском проспекте я приходил всегда немножечко раньше, чтобы точно в условленное время нажать на кнопку электрического звонка у двери. Ему это нравилось, он встречал меня тогда с улыбкой и удовлетворением. Он был всегда весьма занят, всегда в работе, его трудоспособность удивляла и захватывала, хотелось во всём подражать ему. Однако во время наших встреч и консультаций он всегда был спокоен, никогда не подгонял собеседника, не показывал какого-либо раздражения, не выражал какой-либо неудовлетворенности от визита. Все вопросы и все дела анализировал старательно и углубленно.

Редактирование текста диссертации на русском языке для меня было нелегким делом. Я намеревался писать по-польски, а потом переводить на русский. Но Алексей Иванович порекомендовал мне писать сразу по-русски – как смогу, пообещав позже откорректировать текст. Я знаю, что это была очень нудная и для него не обязательная работа. Он мог сказать мне, что, мол, делай, как хочешь, ищи себе выход, но он терпеливо вычитывал мои тексты. Он знал, что меня это заставит работать более скрупулезно над собой, над усовершенствованием языка, и так оно и случилось. Вскоре я начал писать совсем уж неплохо, а мой русский язык становился всё богаче и правильней.

Наши встречи с Алексеем Ивановичем, которые проходили обычно у него дома, были для меня всегда большим и важным событием. Иногда они состояли из двух частей: первой – официальной, научной и второй, во время которой мы уже разговаривали на различные житейские актуальные темы. Тогда Лидия Ефремовна подавала нам чай и печенье, а иногда при специальных okazиях проходила даже дегустация какого-либо изысканного коньяка.

Алексей Иванович подчеркивал, что трактует меня иначе, по-другому, нежели аспирантов, ибо я уже докторант, приехавший на «габилитацию» из братской Польши. Во время таких визитов мы разговаривали на различные темы – о политике, религии, польской и советской общественности и

т.д. Алексей Иванович внимательно выслушивал собеседника, озвучивал своё мнение, но никогда его не навязывал. В таких разговорах он демонстрировал свою весьма глубокую компетенцию и широкий кругозор.

Вначале наши встречи немного смущали меня, я чувствовал себя неловко, ведь в Польше я никогда не контактировал с людьми такого уровня, с учёным, который был бы членом Академии наук. Однажды я даже сказал ему: «Алексей Иванович, Вы известный учёный, в Польше между стажёром и профессором устанавливается определенная дистанция». Алексей Иванович добродушно ухмыльнулся и, шутя, ответил: «Стефан, у нас учёные из рабочих». Ему всегда было присуще чувство тонкого юмора, это была одна из главных черт характера моего научного консультанта.

Академик А.И. Пискунов был человеком, который мог совмещать высокие требования и даже суровость в оценке поступков стажёра с глубоким пониманием, сочувствием и сердечностью. Если видел, что кто-то уваливает от работы, не предпринимает каких-то стараний и не прилагает усилий, чтобы выполнить то или иное задание, он не давал спуска или поблажек. Рано или поздно острые слова промотора достигали до уха и сознания подопечного, но этот выговор всегда был высказан в деликатной форме, обдуманно и с большой культурой. Я никогда не видел своего научного руководителя расстроенным и разгневанным.

Учёный очень беспокоился об аспирантах и докторантах, заботился об их научном развитии и росте, но его интересовала также их «внеурочная» жизнь, жизнь и деятельность вне научного учреждения. Он не был навязчивым и назойливым, но хотел знать больше о своих подопечных, чтобы, когда возникнет такая необходимость, суметь их защитить. Я знаю, что он очень нервничал, когда я выезжал в Польшу, всегда спрашивал после возвращения, как происходил переезд через границу. Понимал, что в Польше я оставил семью и должен был помогать ей, обеспечивая каждодневные потребности. Иногда я из Москвы вёз что-то, что мог продать в Польше, и таким способом передать жене дополнительные средства.

Когда жена с сыновьями приехали ко мне в Москву, нас пригласили в дом Алексея Ивановича и Лидии Ефремовны, который всегда был очень тёплым и душевным. Благодаря хозяевам мы чувствовали себя давними хорошими знакомыми, поддерживался оживлённый и сердечный разговор, несмотря на то, что это была первая встреча в таком обществе. Тепло и

красоту дому придавала Лидия Ефремовна – мудрая и элегантная женщина, порой острая в высказываниях, что, однако, придавало ей своеобразное обаяние.

Алексей Иванович был человеком отважным, справедливым, мог объективно оценить усилия подопечных. Помню, как однажды меня вызвал декан Панин и выразил неудовольствие по поводу моих научных достижений, хотя, честно говоря, не был хорошо осведомлен об этом. Когда я рассказал об этом своему научному руководителю, он без колебаний ответил: «Стефан, не переживайте, если будет нужно, я напишу Вам рекомендацию». Потом выяснилось, что некоторые аспиранты не подготовили вовремя диссертации, и в связи с этим руководство вуза поручило проанализировать ход выполнения работ другими.

Большим событием и наградой для меня был выезд с Алексеем Ивановичем и Лидией Ефремовной на научную конференцию в Тбилиси. В президиуме конференции среди уважаемых гостей присутствовали академик А.И. Пискунов и я, скромный кандидат наук, но гость из-за рубежа. Особенно мне запомнилась дружеская встреча на веранде дома местного чиновника из отдела образования. Как это принято у грузин, такие встречи с отдыхом, спиртным и закусками проводил так называемый тамада. Нашу встречу проводил декан музыкального факультета местного педагогического института. Как мне потом стало понятно, в Союзе было обязательным присутствие на подобных встречах представителя КГБ, если где-то в компании находился гость из-за рубежа. Я помню, как неожиданно, за несколько минут после начала встречи, вошел мужчина в черной кожаной куртке, с большой залысиной и занял место среди собеседников, недалеко от меня. Тогда ведущий с таинственной улыбкой сказал: «Теперь ничего лишнего не болтайте, пришел наш друг из КГБ». Это вызвало у присутствующих лёгкую улыбку.

Я впервые был на подобной встрече, и мне очень понравилось то, что нельзя было выпить, пока не был произнесен тост. Вино лилось рекой, но никто не был пьян. Было много тостов и зачастую очень остроумных. Я лучше всего запомнил тост, который произнёс Алексей Иванович, сказавший: «Я предлагаю сейчас выпить за веру, потому что у нас отняли веру в Бога и не дали ничего взамен». После тоста наступило молчание. Я понял, что такой тост произнести мог только тот, кто имел большой авторитет и

прочную научную позицию. Мне кажется, это был где-то год 1988. Я уверен, что Алексей Иванович был коммунистом, но не воинственным атеистом, и мог понять и признать правду тех, которые были представителями иной системы ценностей, нежели он. И уже это, между прочим, свидетельствует о том, что он был большим человеком, толерантным, с открытой душой и добрым сердцем.

Мое пребывание в Москве как раз совпало с периодом Горбачевской перестройки. Это не было только углубление педагогических знаний и подготовка докторской диссертации. Меня интересовала жизнь, которая в это время очень отличалась от жизни в Польше, политика, общественные проблемы, я посещал Арбат, где время от времени проходили очень оживлённые и противоречивые дискуссии на темы, о которых раньше нельзя было говорить. Например, был ли Павлик Морозов героем или предателем? Я помню, как, кажется, в 1988 году в Москву впервые приехал Рональд Рейган. По телевизору в нашем общежитии, на кухне, мы смотрели приветствие американского президента. Когда американский лидер вышел из самолета, к нему подбежал советский журналист и спросил: «Уважаемый господин президент, Вы сказали, что Советский Союз – это империя зла. Могли ли бы Вы повторить эти слова сегодня здесь?». Р. Рейган без колебаний ответил: «Да, я это говорил. Но это было при совсем других обстоятельствах, ситуация изменилась. Сегодня я приехал к моему другу президенту Горбачеву и к дружелюбно настроенному ко мне советскому народу».

Я помню свой первый день в Москве. Нужно было оставить паспорт в деканате. Это дело мне помог уладить Генрик, о котором я уже раньше вспоминал. Когда мы возвращались из деканата и проходили мимо многоэтажного эксклюзивного небоскреба из белого кирпича, Генрик обратил мое внимание на пост дежурного перед зданием и сказал: «Посмотри, так живут советские офицеры». Когда мы приближались к станции метро, нас остановил милиционер, отдал честь и сказал: «Предъявите документы для контроля». Генрик, слегка обеспокоенный, вынул свой паспорт и отдал стражу общественного порядка. Тот, перелистывая его, уверенно сказал: «О, стажер МГПИ имени Ленина, хорошо». Я был напуган, потому что оставил свой паспорт в деканате, но, к счастью, Генрик спас ситуацию. Когда милиционер уходил, коллега спросил: «Скажите, пожалуйста, почему

вы нас проверяли?»). Милиционер отдал честь и ответил: «Такова работа». Это улучшило наше настроение на целый день.

В другой раз, когда в послеобеденное время мы стояли в очереди в овощном магазине, а на полу беспорядочно валялись картофель и капуста, мой коллега Генрик заметил: «Посмотри, какой бардак». Стоящий за нами мужчина в возрасте, без сомнения, ветеран войны, достаточно остро отпарировал: «Ты, поляк, лучше наведи у себя порядок». Мы ответили, шутя, что у нас тоже так бывает. Это было время, когда люди во всём мире, а особенно в Советском Союзе, знали, что в Польше действует первый в странах социалистического лагеря профсоюз «Солидарность».

Такое поведение русских, которое сегодня я воспринимаю с юмором, не свидетельствовало об их злой воле, злобности или неприязни к полякам, но было доказательством другого менталитета и другого понимания мира.

Свои контакты с жителями Москвы, поскольку я вращался там в основном по необходимости, я вспоминаю с большой ностальгией. Русские – это люди открытые, искренние и доброжелательные. Их поведение тогда определяла отличная от сегодняшней общественно-политическая ситуация в стране, и я отношусь к этому с пониманием. Однако на каждом шагу я встречался с проявлениями доброжелательности и симпатии. Наверное, было принято относиться к иностранцам с уважением. И это было видно везде.

И поэтому я с большой симпатией вспоминаю всех тех, кого при разных обстоятельствах и в разных местах встретил в Москве во время своего почти четырехлетнего пребывания там. Академик Алексей Иванович Пискунов, мой научный руководитель, – это большой ученый гуманист и благородный человек. Это ему я больше всего благодарен, и поэтому он останется в моей памяти и в моем сердце до конца жизни. Его фотография, несмотря на то, где я нахожусь, всегда находится на почетном месте. Образ моего Учителя всегда возникает вместе с образом Лидии Ефремовны, его симпатичной и обаятельной жены. Это они вместе создавали неповторимый дом, полную теплоты и душевности атмосферу которого невозможно описать словами, и я точно никогда его не забуду.

Я признателен всем профессорам кафедры педагогики МГПИ им. В.И. Ленина, которой руководил Алексей Иванович. Много раз общался с профессором А.Н. Джуриным, и в то же время посещал профессора С.П. Ба-

ранова, который руководил кафедрой начального обучения. Мне сложно вспомнить и перечислить сегодня других, потому что после моего отъезда из Москвы в 1989 году я больше не приезжал в столицу России, а человеческая память, к сожалению, имеет свойство забывать.

С огромной благодарностью и симпатией вспоминаю всех моих друзей, но позволю себе назвать только некоторых из них. Я имею в виду Валерия Эдуардовича Черника и Нину Игнатьевну Беляеву, которые поддерживали меня в трудную минуту. Особенной признательности и симпатии заслуживает Елена Ивановна Бурдина, которая всегда была для меня требовательным и доброжелательным советчиком, никогда не жалела своего времени, если нужно было пересмотреть и откорректировать мои тексты.

Я очень благодарен моему коллеге Генрику, который помог мне завести знакомство с Алексеем Ивановичем и привёз меня в Москву. Это благодаря ему всё началось и счастливо закончилось.

С признательностью вспоминаю проректора по делам иностранцев Михаила Леонидовича и руководителя деканата Татьяну Владимировну. Я благодарю всех, кого встретил на нашей кафедре, в деканате и в общезжитии, и кто дал мне дельные советы, выразил доброжелательность и помог в усовершенствовании русского языка.

В завершение хочу в оригинале процитировать стихотворение неизвестного автора, которое я нашел на двери своей комнаты по возвращении в общежитие с защиты докторской диссертации и которое свидетельствует, что у меня были друзья, помнившие обо мне до конца. Ещё раз, когда его читаю, не могу скрыть умиления, хотя с этих памятных дней прошел уже 21 год.

Вот это стихотворение:

Лашину Стефану

Трудны пути науки.
Последствия ее на голове видны,
Волос исчезли чащи,
Остались рек ума извилины одни.
Но факт потерь не повод тут грустить
И женщин обходить,
Во все года, во все народы,

Им умных хочется любить.
А докторов не так-то много,
Сияющих, галантных и простых,
Да здоровствует наш Стефан,
Что так пробрался быстро до высот таких!